

■

**ЖЕНА ЦЕЗАРЯ
ВНЕ ПОДОЗРЕНИЙ**

Среда, 21 апреля

Щенок увязался за ними от домика сторожа.
— Иди домой, маленький, — уговаривала его Лера. — Иди домой, к маме. Нам даже угостить тебя нечем. Молочка мы не привезли, чем кормить бедного песика?

— Колбасой, — подсказала Мила. — Колбасу же привезли. Отстань от него, Лер, пусть идет, куда хочет. Вечером назад пойдем, сдадим Арсену с рук на руки.

Арсен, сторож дачного поселка, пригревал всех окрестных собак и ходил всегда в сопровождении целой стаи. Собаки были разные, ласковые и злые, большие и маленькие. Летом Арсен выпускал собак только ночью, а днем запирали в большом вольере. Лето еще не наступило, но собаки были заперты, когда подружки прошли через приоткрытые ворота. Только маленький веселый лохматый щенок играл со щепкой возле левой створки и сразу увязался за ними, причем главным образом — за Лерой, словно выбрав ее в хозяйки.

— Ладно, пошли, — сдалась Лера.

Вчера дачная подружка Мила позвонила ей и неожиданно предложила:

— Давай на дачу съездим, а?

День был неудачным — в подготовленном к сдаче проекте вдруг нашлись ошибки, а Лера только утром завершила генерального, что соберет проект скоро, если не на этой неделе, то на будущей уж точно. Но ей вдруг захотелось на дачу — в гамак, на слабое апрельское солнышко... и она сразу согласилась:

— Давай. Прямо завтра.

— А как же ты с работой? — удивилась Мила. Самой-то ей было все равно, когда ехать. Мила давно нигде не работала.

— Черт с ней, с работой. Отгул возьму, — решила Лера.

Такого теплого апреля, как в этом году, не было много лет. За городом оказалось настолько здорово, что не слишком сильные угрызения совести — все-таки она не была твердо уверена, что за десять

дней сможет выловить все ошибки в проекте, — окончательно улетучились. Успеет, а если не успеет, потом доделает, ничего страшного.

— Ты не представляешь, как мне жалко, что мы участок продали, — вздохнула Мила. — Когда папа коттедж строить решил и другой кусок земли купил, мне казалось, что сюда уже никогда не потянет. А оказалось, все наоборот — туда ездить не хочется.

— Не жалею, — успокоила Лера. — Сейчас у тебя настоящий загородный дом и надел почти в гектар. А здесь что? Скворечники.

— Ну не такие уж скворечники, — не согласилась подруга. — Смотри, почти у всех новые дома.

— Это верно. Но с твоим теперешним не сравнить.

— Все равно сюда тянет.

— Ко мне приезжай, — пожала плечами Лера, достала ключи и щелкнула замком на калитке. — Вперед! Правда, приезжай, Мил, я тебе всегда рада, ты же знаешь.

Лера отперла входную дверь, и подружки вошли в маленький старый домик. Щенок, который, оказывается, неотступно следовал за ними, начал уморительно карабкаться по ступеням крыльца. Лера прошла по двум крошечным комнатам — вроде бы все на месте, никто зимой в дом не залезал. Раньше дачи обворовывали постоянно, но с приходом нового сторожа кражи прекратились. Видимо, собаки Арсения хлеб свой ели не зря.

— Эй, ты что делаешь? — Лера распахнула окна, чтобы проветрить помещение, и, оглянувшись, увидела, как под присевшим щенком на полу растекается лужа. — Безобразник какой! Плохая собака!

Взяла вилявшего хвостом кутенка за шкурку и вынесла оказавшееся совсем невесомым тельце на крыльцо. Затем захлопнула дверь.

Но, как выяснилось, отделаться от собачки не так-то просто. Через пять минут жалобный писк перешел в настоящий скулеж, и подругам ничего не оставалось, как устроиться с нехитрой едой под яблоней. Впрочем, это было даже к лучшему: сидеть в плетеных креслах около небольшого столика было намного приятней, чем в сыром поле после недавней зимы доме.

— Жаль, выпить не захватили, — вздохнула Мила.

— Жаль.

— Как у тебя с диссертацией? — неожиданно вспомнила подруга.

— Никак. Не порть настроение.

Лера в прошлом году окончила аспирантуру, сделав к тому времени большую часть диссертационной работы. Все собиралась доделать работу, что называется, собрать диссертацию, дописать недостающие главы и защититься наконец. Но не было то времени, то настроения,

Ветра почти не было, и сидеть на солнышке оказалось так приятно. Шевелиться лень, жалко только, что нельзя лечь на еще холодную землю.

— Пикничок? — неожиданно появилась из-за дома Светлана, еще одна давняя подруга. В детстве они трое были неразлучны. — А меня почему не позвали?

Щенок, притихший, привалившись к Лериной ноге, неожиданно смешно и грозно залаял.

— Фу, глупая собака! Перестань! — Лера почесала пушистую башку, непонятно чему улыбнувшись. Взять песика с собой, что ли? Но с ним же гулять нужно, а она целый день на работе.

— Мы заранее не планировали, — лениво объяснила Мила, — случайно получилось.

Со Светой она с некоторых пор часто разговаривала лениво, словно нехотя. Вроде бы и вежливо, но вместе с тем как бы свысока, хотя причин для этого не было. Светлана из них троих добилась наибольшего успеха, занимала должность заместителя директора фармацевтической фирмы.

— Как дела? Когда свадьба? — Света улыбалась, насмешливо глядя на развалившуюся в кресле Леру.

Вопрос адресовался ей, Мила-то давно была замужем, и метко бил по больному месту.

— А твоя? — Всегда вежливая Мила в последнее время и правда выносила подругу с трудом. Да и Лера тоже.

— Моя состоится, когда я захочу, — весело засмеялась Света.

— Очень рады за тебя. У тебя все?

— Да ладно вам. Я же шучу.

Мила хотела еще что-то сказать, но Лера перебила:

— А ты что вдруг в будний день приехала, Свет?

— Захотелось. Погода хорошая. Если вам можно, почему мне нельзя?

— Хочешь, возьми кресло на веранде, — предложила Лера. Приглашать Свету не хотелось, но и не пригласить было нельзя.

Та, оглядев столик с нарезанными овощами и хлебом, спросила:

— Может, выпивку принести?

— Неси, — разрешила Мила. И после того как Света, повесив маленькую сумочку, захваченную неизвестно для какой надобности, на ветку яблони, скрылась за углом дома, обронила: — Господи, как же мы ее раньше выносили?

Сумочка с замком-зашелкой оказалась открытой, виднелись упаковки каких-то лекарств. Лера, вздохнув, поднялась зашелкнуть замок.

— Раньше она такой не была.

— Да ладно! Всегда была стервой. Где она, там обязательно какая-нибудь склока. Не смей! — прикрикнула она, видя, что подру-

га собирается принести для Светланы плетеное кресло. — Ты ей что, швейцар? Сама притащит, не развалится.

— Да ну, Мил, неудобно...

Лера все-таки приволокла третье кресло. Шенюк не отходил от нее ни на шаг, путался под ногами, и опять Лере хотелось улыбаться, глядя на неуклюжий пушистый комочек. Взять, что ли, действительно в Москву? Хм, только собаки ей не хватает для полного счастья...

— Вот. — Подоспевшая Света поставила на столик бутылку мартини.

— Господи, какая бутылка несчастливая! — ахнула Лера. — Мил, смотри, это же та, которую я тебе тогда под Новый год привезла. Как к Свете-то попала?

Мартини Лере привезли из-за границы родители, уже шестой год живущие в Америке. Лера мартини любила и Саше выпить его не дала, прихватила с собой под Новый год, идя к Миле. Но оказалось, что у Милы имелась открытая бутылка любимого напитка. Вторую открывать было глупо, и они допили Милину.

— Откуда ты знаешь, что мартини тот же самый? — удивилась Мила, разглядывая бутылку.

— Вот, видишь полоску на этикетке? Это я случайно фломастером задела, а получилось, будто вместо луны множество. И аккуратно так, даже не скажешь, что не специально нарисовала.

Луна на звездном небе, изображенная на этикетке, действительно представляла собой математический знак множества — перечеркнутый кружок.

— А я ее у Милы выпросила, — засмеялась Светлана.

Это было правдой. Света заехала перед самым Новым годом, подарила Миле флакон духов, в ответ получила равноценный флакон, заметила злополучную бутылку и начала пристально разглядывать.

— Обожаю мартини, — замурлыкала Света. В присутствии мужчин она всегда, как правило, мурлыкала, а тогда рядом то появлялся, то исчезал Милин муж Константин Олегович.

Он опять куда-то вышел, а Светлана все рассматривала бутылку.

— Подари, а? В довесок к духам.

Миле не хотелось отдавать вино, оставленное для нее Лерой. Но и отказать в такой ситуации было невозможно, вот и кивнула, произнеся единственно возможное:

— Бери.

— Ты что, подарила подруге мартини? — удивился Костя, когда за той закрылась дверь. Он видел, как Светлана сунула бутылку в сумку. — Странный подарок для женщины, не находишь?

— Нахожу, — мрачно согласилась Мила. — Однако не вырывать же у нее из рук.

Ей тогда действительно было почему-то жалко вино, которое, в общем-то, можно купить в любом супермаркете. Сейчас

тот martини не хотелось пить, но что поделатъ, отказаться вроде неудобно.

— Ладно, — Мила поставила бутылку на стол, — давайте выпьем.

Лера отправилась в дом за рюмками, шенок за ней следом. Светлана, глядя им вслед, усмехнулась:

— Похудела Лерка, джинсы прямо болтаются. Переживает, что Сашка на ней не женится? Или диссертацию все пишет? Пора бы уж и дописать.

— Свет, — Мила откинулась в шатком креслице, заложив руки за голову, — ты, если новая работа будет нужна, опять к Лере придешь?

В фирму, где Светлана так успешно сделала карьеру, ее устроил когда-то Лерин отец.

— Не приду, — снова усмехнулась Света. — Теперь я сама кого хочешь устрою. Или замуж выйду и брошу работать, как ты.

Миле не хотелось смотреть на веселую подругу, и она стала разглядывать корявые ветви над головой.

Светлана из них троих была самой красивой. Очень красивой, как фотомодель. В юности Миле хотелось быть такой же: стройной голубоглазой блондинкой с прямыми волосами до плеч. Свою почти черную кудрявую шевелюру она тогда ненавидела. Однажды даже решила осветлить ее. Но получилось такое уродство, что перекрашиваться пришлось сразу же, немедленно. И фигуру свою полноватую Мила тогда не любила, сердилась, когда мама смеялась над ее попытками похудеть и уверяла, что иметь настоящие женские формы — счастье. Сейчас Мила цену своей фигуре знала: не могла не замечать приятно радующих мужских взглядов.

Теперь-то Светлана красивой не казалась. Мила даже специально покосилась на подругу: обычная девица, непонятно даже, чего они тогда ею восхищались.

— Рюмок не нашла, — подошедшая Лера поставила на стол маленькие чашечки. — Не помню, куда сунула, когда дом на зиму запирали.

— Да ладно, девки, сойдет. — Света щедро плеснула martини в кофейные чашки.

Шенок терся об ноги, как кот, и Лера не выдержала, взяла его на руки. Нет, нельзя его в Москву брать: когда она будет с ним гулять, если уходит в полвосьмого, а возвращается домой в семь?

Такой прыти от неуклюжей собачонки никто не ожидал. А та мгновенно, как по волшебству, очутилась на шатком столе, фыркая, хлебнула martини из Лериной чашки, схватила ненарезанный батон колбасы и кубарем, через Лерины колени, скатилась на землю. Все, что стояло на столе — тарелки с огурцами, помидорами и красным болгарским перцем, хлеб, яблоки, аккуратно нарезанный сыр, — разлетелось в разные стороны. И чашки с вином упали, и бутылка. Мож-

но было только удивляться, как удалось устроить такой погром такому маленькому, совсем крохотному щенку.

Возмущенные крики обрушилась на счастливого кутенка с трех сторон, но он не понял, что его ругают, тряс головой, зажав в мелких зубках вкусную колбасу, и прытко отбежал. Наконец Лера его поймала, подхватила на руки и вырвала колбасу.

— Ах ты, паршивец! Ах ты, плохая собака! — Не успела она отстраниться, как щенок лизнул ее в нос. — Ну что за наказание такое!

Лера опустила щенка на землю и погладила по лохматой голове.

— Ну не могу я тебя взять, не могу. С тобой гулять надо, а я работаю целый день. Да еще дважды в год в Америку езжу, у меня там мама и папа. Куда я тебя дену? А Саша работает сменами, по двенадцать часов, вообще гулять с тобой не сможет. Шел бы ты домой, назад к дяде Арсену.

— Девочки, а мартини-то остался, — удивилась Света, поднимая с земли бутылку. — Посуду вымоем, и можно продолжить. Только ты своего кобеля в следующий раз придерживай.

— Придержу, — пообещала Лера.

Посуду мыли долго: сначала вода в кране пропала, потом пошла, но ржавая, и пришлось ждать, когда стечет ржавчина. Затем снова нарезали овощи и хлеб. И только когда вновь расселись за столом под яблонями, Лера спохватилась, что «кобеля» давно не слышно. И тут же, испугавшись, что щенок убежал, поняла, что непременно возьмет его с собой, не сможет здесь оставить.

Она поозиралась по сторонам, заглянула под стол и не сразу сообразила, что неподвижно вытянувшееся тельце, около головы которого растеклась небольшая, дурно пахнущая лужица, — собака. Тот самый песик, которого она не хотела брать в Москву и знала, что возьмет.

— Лер, ты что? — удивилась Мила, увидев остановившиеся глаза подруги.

— Принеси простыню из шкафа.

Мила присела рядом. Она тоже не сразу поняла, что произошло, а когда поняла, не могла решить, кого ей больше жалко, надоедавшего всем щенка, без которого сразу стало пусто, или Леру, так неожиданно и страшно потерявшую только что найденного маленького друга.

— Лерочка, я куплю тебе собаку, хочешь?

— Принеси простыню.

— Да что случилось-то? — наклонилась над ними Света. И через минуту прошептала: — Меня хотели убить... Господи, меня хотели убить!

Мила принесла не только первую попавшуюся простыню из шкафа, 12 но захватила еще и две лопаты, хранившиеся в покосившемся сарае.

— Меня хотели убить! — все причитала Светлана. — Вы что, не понимаете? Нужно звонить в полицию.

— Звони, — равнодушно бросила Мила. — Звони. Мы что, тебе мешаем?

— Свет, ну неужели ты думаешь, что они станут этим заниматься? — устало спросила Лера. — Арсену сообщим, когда домой пойдем.

Светлана хотела что-то сказать, но Лера перебила:

— Под березами похороним.

— Да, Лерочка, — кивнула Мила.

— Вы что, с ума спятили? Меня хотели убить! Вам все равно, да?

— Почему тебя? — Лера завернула крошечное тельце в простыню и поднялась на ноги. — Почему не меня? Не Милу? С чего ты вообще взяла, что кого-то хотели убить?

— Яд мог быть или в колбасе, или в мартини. — Света смотрела на Леру, чуть не плача. — Больше песик ничего не трогал. Колбасу мы сами ели, значит, отравили мартини.

«Мы даже не догадались его покормить, — подумала Лера. — Щенок терся о мои ноги, а я боялась, что он испачкает мне джинсы». Лера тупо посмотрела на свой облезлый полтораэтажный домик и не к месту отметила про себя, что его необходимо покрасить.

— Господи, отравить хотели меня! Меня! — не успокаивалась Света.

— Кого и как хотели отравить, мы выясним, — пообещала Лера. — Мартини я отнесу нашим химикам, они разберутся.

— Тебе хорошо говорить, ты знаешь, что...

— Что никому гадостей не делала, — подсказала Мила.

— Хватит! — Лера подняла завернутое в простыню тельце. — Пойдем, Мил.

На круглой поляне у самого леса стоял чей-то грязный джип, и копать пришлось в стороне, почти у дорожки, по которой подруги обычно ходили на пруд купаться. Копать было тяжело, земля представляла собой переплетенную путаницу корней. В июне здесь все покрывалось одуванчиками, потом еще какой-то травой, а позже, уже в августе, вереском. Лера несколько раз пыталась пересадить вереск в горшок, но он не приживался, и перед Новым годом пришлось выбрасывать засохшее растение.

* * *

Корзина у Воронина была большая, а грибов он нашел мало, даже дно не прикрыл. Осенью заполнил бы корзину желтеющими листьями, а сейчас класть в нее нечего, разве что еловые лапы. Но срезать колючие ветки было лень, и он так и вышел из леса с пустой кор-

зиной. Уже перед самым дачным поселком остановился, пересчитал грибы: всего восемь. Курам на смех. Самым правильным было бы выбросить скудную добычу, но он не стал — жалко. Три гриба большие, похожие на клубни картошки, а остальные — маленькие и вытянутые. Какие-то назывались сморчками, какие-то строчками, Воронин всегда путал весенние грибы.

Он почти дошел до оставленной на опушке машины, когда увидел трех девиц с лопатами. Первой мыслью было спрятать корзину за спину, чтобы не срамиться, но делать этого не стал. Девушки на него внимания не обращали, били по земле лопатами, вроде пытались яму вырыть. Воронин бы тоже не обратил на них внимания, если бы не увидел лежащий на траве продолговатый сверток. Мгновенно подобравшись, даже легкая усталость от хождения по пустому лесу исчезла, он поставил корзину на влажную землю и, слегка отодвинув одну из копавших, откинул испачканную землей ткань. Оказывается, девицы пытаются зарыть мертвую собаку, а ему уж подумалось... невесть что.

Теперь троица выжидающе смотрела на него. Девушки были хороши, каждая в своем стиле. Блондинке хоть сейчас позировать для мужского журнала. Вторая, с волосами потемнее, чем у блондинки, была в солнечных очках, и глаз ее он не видел. А вот у брюнетки глаза оказались сказочными, очень большими и темными, и почему-то вызвали в памяти полузабытые слова: «Тиха украинская ночь».

— Как же это? — тупо спросил Воронин у всех троих, но только блондинка отреагировала:

— Помогли бы яму выкопать.

Сказала это зло, но смотрела на него совсем не зло, с явным интересом.

Воронин видел, девица решает, не добавить ли еще что-то, но дожидаться не стал, взял у темноволосой лопату и принялся копать, углубляя начатую яму.

Троица стояла, окружив его, и он буркнул:

— Отойдите, вы мне мешаете.

Девушки послушно отошли, продолжая молча смотреть на него.

Аккуратно уложив сверток в вырытую яму, Воронин засыпал могилку землей, воткнул рядом лопату. А подруги стояли все так же молча, только блондинка переминалась с ноги на ногу.

Нужно было уезжать, но он почему-то медлил. Наконец предложил:

— Давайте я вас в Москву отвезу.

— Спасибо, отвезите, — повернулась к нему брюнетка с глазами «тихой украинской ночи». Голос у нее оказался очень красивым, каким-то бархатистым. — Только нам собраться нужно. Минут двадцать подождете?

Воронин кивнул.

— Пойдем, Лерочка, — обняла она русоволосую подругу за плечи.

Та сняла очки и грязными руками вытерла глаза. Глаза у нее оказались заплаканными, и Воронин понял, что собака была ее. Потом девушка посмотрела на него, и тогда он окончательно решил, что блондинка в этой компании явно проигрывает — глаза у русоволосой были необычные, миндалевидные и все понимающие, как у мадонны.

Четверг, 22 апреля

Мила проснулась совсем рано. Украдкой, стараясь не разбудить Костю, посмотрела на часы — половина шестого. И встать рано, и заснуть вряд ли получится. Постаралась прогнать неприятный осадок, оставшийся от вчерашнего вечера, и стала строить планы на предстоящий день, но удавалось это плохо.

Вчера Костя пришел поздно, Мила даже начала волноваться. Она могла бы позвонить ему на мобильный, но обычно ее звонки вызывали у мужа недовольство, тот считал, что в рабочее время о жене следует забывать. Недовольство было совсем легким, почти незаметным, но Мила его отмечала и старалась лишний раз супруга не тревожить.

— Как отдохнули? — Сняв плащ и повесив его на вешалку, муж слегка прижал ее к себе и поцеловал в волосы. Он очень устал, и ему совсем не хотелось разговаривать.

— Отлично. — Только что ей хотелось рассказать про их сегодняшние приключения, а сейчас желание говорить отчего-то пропало. — Ты что так поздно?

— Дела... — Костя потрепал ее по затылку, как днем Лера приبلудного щенка.

— Светка тоже приехала, как будто знала, что мы на даче.

— Знала, — кивнул он, прошел в ванную и начал тщательно мыть руки под краном. — Я ей сказал.

— Когда? — удивилась Мила. — Мы же только вчера договорились с Лерой.

— Вчера и сказал. — Константин вымыл руки и теперь так же тщательно их вытирал. — Она позвонила вечером, когда ты за продуктами выходила.

— А зачем? Зачем ты ей сказал? Знаешь ведь, что я ее терпеть не могу. И Лера тоже.

— Света позвонила, спросила, не собираешься ли ты на дачу, и я ответил, что собираешься, причем завтра. А что я должен был сказать, по-твоему? — отодвигая жену, потому что та мешала ему выйти из ванной, устало произнес Костя. Ему хотелось побыть одному, и, как это иногда случалось, он пожалел, что женат. — К тому же Света